

«Арлекин! – Так Вас окликаю. Первый Арлекин за жизнь, в которой не счесть – Пьеро! Я в первый раз люблю счастливого, и может быть в первый раз ищущего счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть! Я в Вас чувствую силу, этого со мной никогда не было. Силу любить не всю меня – хаос! – а лучшую меня, главную меня. Я никогда не давала человеку права выбора: или всё – или ничего, но в этом *всё* – как в первозданном хаосе – *столько*, что немудрено, что человек пропадал в нём, терял *себя* и, в итоге, меня. Другой должен быть Богом, Бог свет отделил от тьмы, твердь от воды, «ветру положил вес и расположил воду по мере» (Библия, Книга Иова) – другой должен создавать нас из *нас же* (о, не из себя!) и возможно это, конечно, только через любовь. Любовь: Бог. До Вас это у меня звучало: любовь: болезнь».

Из письма Марины Цветаевой Константину Родзевичу от 22 сент. 1923 г.¹

Жизнь и судьба Марины Цветаевой, величайшего поэта русской, да и всей мировой культуры – трагична и беспрецедентно несчастлива. Будто её преследовал беспощадный рок – наградил страшнейшим недугом, с которым не справится ни один человек. В её собственной семье её, по существу, не воспринимали как выдающуюся личность, ибо, как правило, такими избранными хотят быть все члены семьи. Из близких и родных (исключая детство, родителей) её мало понимали, а потому и по-настоящему – глубоко и преданно, так, как в этом нуждалась только она, со всем пониманием сложности её характера и уникальности натуры, не любил никто: ни муж Сергей Эфрон, ни дочь Ариадна, ни даже сын Мур, которого она любила больше всех. Эфрон её благородно терпел, вместе со всеми её увлечениями, Ариадна, повзрослев, стала сводить с матерью счёты, правда, впоследствии посвятила себя её памяти, созданию архива, преследуя отчасти цель – восстановить репутацию матери как преданной жены и показать величие любви обоих родителей, что, в итоге, закрывало истину. Иногда, мне думается, Але застили глаза её коммунистические идеи, которым она осталась верна, даже возвратясь из ссылки. Да и Мур, который и слышать не желал о том, чтобы остаться в Париже и никуда не ехать, конечно, не сумел себя найти по приезде в Союз, и это не могло не сказаться на его отношении к матери, переживавшей тяжёлый кризис – и творческий тоже. Допускаю даже, что ТАКУЮ мать – нервную, уставшую что-либо понимать в жизни, постоянно находившуюся в поисках любой, самой жалкой работы, ему даже трудно было воспринимать, хотя её отчаянный шаг он понял и принял: «„Мама покончила с собой“», а следующая фраза: „Я могу её только одобрить“», – вспоминал впоследствии его друг Дмитрий Сеземан². Однако объяснить его страх перед её последним шагом и то, что он не только не пришёл с ней проститься, уже вынужтой из петли, но и на похороны, можно объяснить лишь его возрастом и одиночеством.

До сих пор не известна точно могила Марины Цветаевой – лишь кладбище, где её предали земле. Сразу хочу подчеркнуть: я далека от осуждений, я хочу лишь зафиксировать те моменты, которые нам помогают понять её судьбу, и отдаю отчёт в том, что у всех её близких жизнь была тяжёлой, а Марина не принадлежала к тем, кто такую жизнь способен облегчить. Парадоксальность их отношений в

семье, в итоге, сказала в том, что, жалуясь на деспотичный характер матери, и Аля, и Мур, и Сергей, тем не менее, подчинили её своим эфемерным идеям, и по их настоянию она оказалась снова в Советской стране, всячески в себе превозмогая нежелание быть там – осознанное и прочувствованное прошлыми годами, откуда когда-то сумела вырваться. С её стороны это была жертва – теперь уступить им. И жить было бы не на что, если бы в Париже осталась. После «истории» с убийством Игнатия Рейса-Порецкого, в которой был замешан С. Эфрон, эмиграция возненавидела Цветаеву. И, конечно, в Союзе она никому не смогла стать опорой. Да, жертвы, как известно, не оправдываются.

Так получилось, что её не любила и не ценила ни одна страна: ни родная Россия, ни приютившая потом Франция, проявлявшая, в целом, за исключением отдельных людей, удивительное равнодушие даже к её личности, не говоря о таланте. «В Париже её не признавали. Почему? Царил тогда Георгий Иванов со своими декадентскими темами, был Ходасевич. А все, кто приезжал из провинции, то есть из Праги („Скит поэтов“), или из Бельгии, или ещё откуда-нибудь, должны были пройти два года „подготовительных классов“... Печатали её ужасно. Сколько рукописей лежало в „Последних новостях“, ожидая публикации. Сколько писем она писала, требуя печатания, гонорара...»³.

Исключение составила, пожалуй, лишь Чехия, где впервые и в полную меру она испытала подлинное личное счастье. словно в ней пробудилась она сама. Короткий период (1923-1924) подарил ей то, что тщетно искала всю жизнь её Душа, казавшаяся ненасытной именно потому, что на смену увлекавшего её чувства быстро приходило разочарование. Мы не знаем своей души, она не знала своего тела. А потому тело нуждалось в повышенной тактильности – тонком физическом контакте с другим телом, ибо в её случае не оно выбирает и решает, как у обыкновенных людей («Игрок, учащий меня человечности»⁴). И ещё: «Необратимая необходимость Цветаевой – потратить свою душу и невозможность этого. Обе поэмы не только о любви, а об отношении к жизни, о требовании к ней. А любовь – точка отсчёта, и плата за любовь – жизнь»⁵, – пишет Наталья Шлемова, одна из самых основательных исследовательниц творчества и личности Цветаевой, анализируя её «любовные» поэмы «Горь» и «Конца» в контексте эстетики трансцендентного.

У Души и её Арлекина всё складывалось на основе молчаливой преданности друг другу – в жизни и за гробом. «К.Б. (Константин Богуславович Родзевич – Е.Т.) никому ничего не рассказывал – такой легкомысленный человек оказался истинным джентльменом», – говорила о нём Ариадна⁶. Предмет любви Марины открыто заявлял, что не понимает её стихов, ибо подобное педалирование этого вопроса позволяло самоустраниться раз и навсегда, и тут нельзя не отдать должного его виртуозной игре с людьми, что в первую очередь говорит о его наблюдательности, уме и выдержке. Невозможно привести никого больше из всего её «списка» увлечений, кто был бы так предан ей и так глубоко понимал её Душу, как Константин Родзевич – часто даже ценой личной репутации. «Люди поддерживали во мне мою раздвоенность. Это было жестоко. Нужно было или излечить – или убить. Вы меня просто п о л ю б и л и »⁷.

Сразу надо заметить: Марина знала свои особенности, но это ей не мешало думать и жить *по-человечески*. «Я на земле стою – лишь одной ногой»⁸, – писала она в 1916 г., а ещё раньше – в 1913 г.: «Я одна с моей большой любовью / К собственной моей душе»⁹. Именно встреча с Родзевичем подарила ей редчайшую возможность соединить в себе обе половинки: душевную и человеческую.

О Родзевиче из современников почти никто не сказал добрых слов – за исключением самых Марине близких: дочери Ариадны Эфрон и сестры Анастасии Цветаевой. Обращает на себя внимание и вдумчивое, внимательное прочтение страниц судьбы Цветаевой, предпринятое Ирмой Кудровой, хотя оно предпринято много лет спустя... Но обо всём по порядку.

Не хочется перечислять эпитеты, которыми награждали Родзевича знавшие его лично – их высказывания собирались многими исследователями и мемуаристами, в том числе огромную работу провела Вероника Лосская: по свидетельству ею же записанного Марка Слонима, Родзевич был «красавец», «бабугодник», «обаяшка»¹⁰; по наблюдениям Николая Еленева, Марина Цветаева доверилась «лукавому и живому по своей природе человеку»¹¹. Безусловно, он был разный, а как могло быть иначе, если профессия – разведчик? Он виртуозно владел способностью себя прятать. И невероятно завлекает стремление раскодировать его истинное состояние за теми характеристиками, которыми его награждали. Во всяком случае я вдруг увидела, что верить нельзя ни одному его слову. Может быть, в конце жизни он уже пришёл к какому-то равновесию, да и то в его рассуждениях Марина скрывалась полностью, но в те годы, пока они вместе жили в Праге, а потом в Париже, правды не было ни в одном слове. Сжатые рамки статьи не позволяют взяться за расшифровку хотя бы одного из его высказываний. А ведь их немало.

Из признаний самого Родзевича:

«Она меня выдумала. Я поддавался её образу и очень это ценил. Но с другой стороны, это мешало мне жить. Как лавина!».

«Мои отношения с Мариной были всегда восторженными, радостными, до самого последнего времени. Она иногда мне звонила, и мы всегда радовались друг другу». (...) «Увлечение – обоюдное – началось между нами сразу, „coup de foudre“ (любовь с первого взгляда). Оно объяснялось моло-

достью, любовью к жизни. Наша связь длилась два года, в Праге. А потом я и не искал продолжения. Была ли это большая любовь – я не знал, по молодости, по легкомыслию в жизни... А во Франции мы уже почти никогда не виделись»¹².

Благодаря его артистичности всё скрывать его отношение к Марине по-настоящему стало пониматься только после того, как мне предстали сделанные им портреты Марины Цветаевой – для меня это явилось вехой, а уже из признаний Ариадны я узнала, что в 1970-е он прислал в Россию сделанные им её портреты. До этого времени их никто не видел и о них не догадывался, даже сама Марина: в её письмах к нему об этом – ни одного упоминания. Это – красноречивее всего свидетельствует о его глубокой привязанности к ней и всепроникающей любви, оправдавшей её безрадостное бытие. Более того, её образ был живым, реальным и очень ему близким. Он словно её защищал. Да так оно и было! И ещё, чему нет и не может быть никаких доказательств: я глубоко убеждена, а не просто это могу предположить своим мистическим чутьём, что она ему являлась. Приходила к нему. И ни к кому больше. Настолько живые, проникнутые его *сегодняшним* восприятием были её портреты. Правда, я читала иронические замечания по поводу того, что рисовал он с фотографии. Вполне возможно, снимки ему помогали, но нарисовать живую, со своим настроением женщину по фотографии невозможно.

«Марина Ивановна была скрытная. Играла роль и женская гордость. Полюбила она К.Б. *очень*. Были близкие отношения, настоящая и трудная любовь. Трудная из-за её лояльности к мужу, к которому она питала любовь всякую, и женскую, и материнскую... Она была ему верна всегда, даже когда была неверна физически. Просто эта любовь к К.Б. не вышла»¹³, – говорил о Марине Марк Слоним. Конечно, он весь роман видел своими глазами и оценивал со своих позиций. Для меня роман у них «не вышел» по самой простой причине: Марина никогда не ушла бы от своего Серёжи, а Родзевич это отлично знал, да и не стоит забывать, что он был ближайшим другом Эфрона, соответственно, обоим могла устроить такая развязка, которая давала мало утешительного обоим. Но, как ни странно, об этом никто не догадывался и никому в голову не приходило, что женитьба на другой для Родзевича была просто поиском тыла и способом подобной развязки.

О К.Б., в связи с наблюдаемым Марком Слонимом эпилогом, он замечал: «Это был милый молодой человек. Умный? Не знаю. Я ведь его всего два раза видел. После того, как он женился, он никак себя не проявил. Они решили расстаться, чтобы он мог жениться на другой (*в действительности, как мне видится, наоборот: чтобы Марина могла остаться с мужем!* – ЕТ). Это её, конечно, сильно задело (*больше, наверное, расстроило, хотя ей было и не до того: вскоре она родит сына, таким был её контроль.* – ЕТ), и она переживала страшно тяжело (*прежде всего собственную несвободу.* – ЕТ).

Отношение Марины к Родзевичу было проникнуто особым чувством полноты, но не переполненности, когда хочется всё расплескать. И довернем, несмотря на то, что и у них были свои разногласия, довольно серьёзные в отношении ребёнка, но и тут он ей уступил и стал делать вид, что верит в то, что она говорит: ребёнок – Серёжи. Но постепенно и она научилась прятать свои чувства от других людей под личиной поэтического вопля – чего стоили её «Поэма Горы» и «Поэма Конца», включая и то, как последнюю она преподнесла невесте Родзевича в качестве свадебного подарка. Все понимали это как дикую и странную её выходку, кроме них двоих. Марк Слоним считал, что «„Поэма Горы“ достаточно конкретна и ясна. Марина сама говорила: „Для меня эта гора – Голгофа“»¹⁴. Вероника Лоская в связи с этим приводит и другое мнение – Ариадны Эфрон: «„Поэма Горы“ писалась во время романа, очень легко и одним махом, а „Поэма Конца“ – после разрыва и с большим трудом», – очень точное и выражающее особую наблюдательность высказывание.¹⁵ «История конкретных отношений, явившаяся толчком для написания данных поэм, вырастает в лирической системе Цветаевой в философию Любви Универсальной и Безусловной. А Любовь для Марины Ивановны – метод познания жизни, путь Внутрь, самознание. Атмосфера жизни, природа Души», – считает Наталья Шлемова, полагая, что «путь М. Цветаевой от „Поэмы Горы“ к „Поэме Конца“ – это путь от художественной энергии пересоздания к взаимообусловленности состояния мира внешнего и мира внутреннего, от подчеркнута романтических акцентов («дай мне о горе спеть / На верху горы»), к достоверности, житейской конкретности («коммерческие тайны», «бальный порошок»)»¹⁶. Мне очень нравится её анализ, который однако оставляет далеко позади прежде всего реалии их взаимоотношений – очевидные и запрянтанные, без знания которых мне, например, не обойтись. А это в первую очередь, – контекст, который вокруг поэм создавался, представлявший собой и сплетни со слухами, какие тогда циркулировали; скрытые или малоизвестные факты, в целом – понимание их жизненной судьбы с точки зрения её завершения, когда была поставлена последняя точка. Без знания этого, часто мало приятного материала, не открыть подлинную глубину отношений любящих людей, вынужденных прятать себя от всех. Родзевичу это отлично удавалось, Марине – с большим трудом.

Недоброжелатели злорадно цитируют Родзевича, поясняя, что свадебный подарок его сильно разозлил: «Злой Родзевич на банкете даже бросил обидные слова, которые донесли брошенной даме: „Не понимаю ваших восторгов перед стихами Марины Цветаевой. Я, например, их вовсе не понимаю, они мне ничего не говорят. У меня, простите, полное отвращение к её творчеству“»¹⁷.

Подобные слова Родзевич – прекрасно воспитанный и знавший нрав Марины, силу её таланта, мог сказать только в одном случае, чтобы всю ответственность за этот поступок взять на себя, выставив себя в неблагоприятном свете.

Думаю, что Марина поняла его слова правильно: как всегда, он уходил от внимания к себе и закрывался фразами, какие от него ждали, прервав тем самым всякие пересуды. Таким резким выпадом он прекращал любые расспросы и разговоры с ним о Марине. Он не мог не знать, что затевать роман с женой друга – не по правилам. Написанное Мариной в 1914 году стихотворение «Я с вызовом ношу его кольцо!» и посвящённое С.Э. – своего рода клятва, – подтвердилось впоследствии: Сергей Эфрон действительно закончил жизнь плахой:

*В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху!*¹⁸.

Красивое стихотворение! Сколько в нём веры и жажды героического поступка! Другое дело – остался ли Эфрон верным ожидаемому статусу? К сожалению, на допросах он всех выдал – но ведь сошёл с ума! Быть героем в стенах НКВД не получалось ни у кого. Заметим, что и Родзевич не мог видеть Марину разрывающейся между ним и мужем: и это было не по правилам. Может быть, потому, что он был разведчиком, он всегда придерживался правил, вполне возможно, что тут сыграло свою роль его польское происхождение и воспитание: как поляк он прошёл настоящую школу, я бы сказала, «этической повседневности». Вот почему ему нужна была женитьба на другой, которая расставляла всё по своим местам и отнимала всякую надежду на совместную жизнь. Совершенно очевидно, что здесь он шёл за решением Марины.

Семён Извеков приводит и совсем другие слова Родзевича, сказанные им ему «сквозь слёзы» уже на закате жизни, которые он повторяет: «Если бы он решился тогда жениться на Цветаевой, они оба были бы счастливы, а Марина не повесилась бы в 1941 году в Елабуге»¹⁹.

Никто не знает, как было бы на самом деле, но оба понимали, что быть так, как им хотелось, не получится.

К сожалению, его письма к ней не сохранились, но осталась такая запись:

«Марина до конца не расставалась с письмами К.Б., так как они после её кончины оказались, вместе с другими самыми дорогими письмами, в архиве, который Мур привёз из Елабуги в Москву»²⁰.

Архив, увы, частично пропал. Есть и ещё одна версия (моя): письма могли выкрасть, даже сразу после того, как Марину вынули из петли, энкэвэдэшники, которые, разумеется, следили за каждым её шагом: муж сидел, Родзевич был с обоими связан.

Лишь читая «Поэму Конца» в третий раз, я стала улавливать её ещё один – запятанный слой: под видом вызова («Как живётся вам с другою...») и припоминания с глубокой обидой того, что было и вроде бы забыто, она раскрывала перед ним, заранее зная, что ТАК поймёт только он, свои чувства, чтобы знал: она по-прежнему помнит его и любит. И если учесть, что жена Родзевича Мария Булгакова называла его, пожив с ним, «аморальным человеком, очаровательной свиньёй» и даже более резко: «совершенное ничтожество»²¹, то нет никакого сомнения в том, что к Марине он был обращён совсем другим своим обликом, рискну сказать – настоящей сущностью, всей глубиной и подлинностью своей природы, о которой кроме неё не знал, пожалуй, никто. Он был абсолютно закрытой личностью. Здесь я никак не касаюсь качеств Родзевича как таковых, которые были разными – должность разведчика обязывала, да и характер, по-видимому, тоже имел место быть, однако не стоит списывать со счетов, что он никого не выдал, ни на одном деле не засыпался и никуда стремглав бежать и скрываться ему не понадобилось. Всё же следует подчеркнуть: мало кто из круга Марины осознавал, с кем имеет дело – Родзевич это уловил едва ли не одним из первых в её окружении. Он был не просто внимателен, а чрезвычайно деликатен и терпим. Представляю, как комфортно она себя чувствовала с ним! И тут я снова высказываю важную для меня, пусть и чисто субъективную мысль: они общались не только экзистенциально, но и мистически. Более того, оба будто бы готовили друг друга для *другой* жизни. И верили в свою будущую встречу.

«Теперь, Радзевич, просьба: в самый трудный, в самый безысходный час своей души – идите ко мне. Пусть это не оскорбит Вашей мужской гордости, я знаю, что Вы сильны – и КАК Вы сильны! – но на всякую силу – свой час. И вот в этот час, которого я, любя Вас, Вам не желаю, и которого я, любя Вас – Вам всё-таки желаю, и который – желаю я или нет – всё-таки придёт – в этот час, будь Вы где угодно, и что бы ни происходило в моей жизни – окликните: отзовусь»²².

Однако насколько он понимал величие её таланта, останется навсегда тайной. Он всячески уходил от каких-либо вопросов по поводу его оценки её стихов, а потому и принципиально не говорил о ней, разве что в конце жизни, когда никого на свете не было. И если не найдены пока его письма к Марине

Цветаевой, её письма к нему он бережно собирал и хранил. Не без сложностей, но благодаря ему они были доставлены в Москву. По версии Михаила Казакова, снимавшего о Цветаевой и Родзевиче «боевик» под названием «Очарование зла», Родзевич действительно приезжал в Москву в 1967 году по приглашению Ариадны²³. Казаков на этом настаивает, так как именно к ним в гости тогда приезжал Родзевич, но сам Михаил запомнил его мало.

Эту историю уточняет Аля: «Переписку их я получила через Владимира Брониславовича Сосинского (1900-1987), который передал мне её очень нечестно: он оставил у себя рукопись „Поэмы Горы“ и фотографию, на которой карандашом сделал выписку из письма. Может быть, он себе оставил ещё кое-что. Всё потом выяснилось, и я была возмущена. Я же, когда переписку получила, то пересчитала письма и всё положила в запечатанный конверт. Письма мамы к К.Б. я не читала, только вынула одну фотографию. Письма к другим людям я просматривала из-за необходимых комментариев. (...) Я считаю, что мамы письма к К.Б. не принадлежат мне, в своё время их можно будет публиковать, а сейчас рано: К.Б. жив и не хочет, чтобы имя его попадало в печать, и чтобы его во всё это вмешивали. (...) Марина Цветаева дала ему огромный аванс, который он и оправдал мужеством своей жизни, верностью политическим взглядам и верностью её памяти²⁴. Думаю, не последнюю роль в Ариадниной оценке поведения Родзевича сыграло совпадение их политических позиций.

Итак, письма Марины к К.Б. Аля, в итоге, сдала в «свой» архив, в ЦГАЛИ, который был закрыт до 2000 года. Сейчас все письма Марины Цветаевой к Родзевичу изданы в Ульяновске²⁵. Есть сведения (или апокриф), что во время своего приезда он навестил Алю (по версии М. Казакова, она посылала ему приглашение), уговаривал посетить Францию, обещал купить билеты, организовать жильё – никаких трат с её стороны... Всё это вполне могло быть, тут нельзя не увидеть его стремления позаботиться о ней, что-то для неё сделать. Не случайно сказанные ею слова о Родзевиче так контрастируют с большинством вынесенных ему оценок. Вероника Лосская приводит слова Али о том, что ей говорил Родзевич: «Я был глуп и молод, ей надо было служить, стелиться у её ног и от всего освободить – от вас, от быта. Надо было её красиво одевать. А Сережа был слишком святой, чтобы одевать жену»²⁶.

Есть и непосредственная характеристика Али:

«Герой Поэм („Поэма Горы“ и „Поэма Конца“. – *Сост.*) был наделён редким даром обаяния, сочетавшим мужество с душевной грацией, ласковость – с ироничностью, отзывчивость – с небрежностью, увлечённость – с легкомыслием, юношеский эгоизм – с самоотверженностью, мягкость – со вспыльчивостью, и обаяние это (...) казалось не от века сего, что-то в обаянии этом было от недавно ещё пленявшего Мариного воображение XVIII столетия – праздничное, беспечное, лукавое и вместе с тем, и прежде всего – рыцарственное. (...)

Обаятельна была и внешность его, и повадки, и остроумие, лёгкость реплик и быстрота решений, обаятельна и сама тогдашняя молодость его, даже – мальчишество...»²⁷.

Приведу сказанные о нём слова Анастасии Цветаевой, которая виделась с КБР (как она его обозначила) в Париже в 1927 году, и заметила:

«Таким – немного таким, только с лицом жёстче и темнее – я представляю себе Андрея Болконского. Но этот человек был тронут крылом польской прохладной пленительности. Невысок, тонок. Обращение Марины с ним было дружески равнодушное, она с ним мало говорила. Марина рассказала мне, что она способствовала его браку и подарила невесте белое платье»²⁸. (*Кстати, невеста – Мария Сергеевна Булгакова, этот факт отрицает. – ЕТ*)²⁹.

Любопытно, но ту же аналогию – с Андреем Болконским, проводит и Алексей Эйсер:

«К.Б. был красивый, изящный человек, небольшого роста, чем-то он напоминал мне Андрея Болконского, семья военных. В 1918 году К.Б. командовал Южной флотилией Красного флота, попал в плен, был приговорён к расстрелу. Потом приговор отменили, и он очутился в Константинополе. Там он познакомился с Эфроном, который его завлёл в Прагу – учиться. Этот человек был абсолютной противоположностью Серёжи: ироничный, мужественный, даже жестокий. К Марине он большого чувства не питал, он её стихов не ценил и даже, вероятно, не читал»³⁰.

А вот суждение Владимира Сосинского, того самого, кто «нечестным» образом доставил Але письма Марины к К.Б.:

«Нам всем в семье КБ страшно не нравился. Он ведь был секретарём и казначеем евразийцев и их журнала... Мы его тогда очень презирали, а оказалось, что это большой человек, – он прошёл всю испанскую войну и вёл себя как настоящий герой»³¹.

«В частных письмах 1976-1979 годов, которые К.Б. мне разрешил цитировать, он говорил то же самое, что и Ариадна Сергеевна, – отмечает Вероника Лосская. И предлагает выдержки из его писем к ней:

«Наша любовь и наша разлука живо отражены в стихах и поэмах Марины Цветаевой. Поэтому я воздержусь от всяких комментариев. Можно ли заурядными словами передать то, что уже стало достоянием поэзии (ноябрь 1978) (...) Пусть стихи – непреложное свидетельство – остаются выше всех житейских мелочей и всяких подсобных истолкований! Не толкайте читателя в преходящую повседневность

(„жизнь как она есть“), позвольте ему нерушимо пребывать в нетленном мире, преображенном поэзией (январь 1979)»³².

Замечу от себя – в том самом нетленном мире, в котором отныне пребывал он, по-прежнему не раскрывая себя. Не стану приводить все высказывания Родзевича о Марине – их можно прочитать в книге Вероники Лосской, уже цитируемой.

Нельзя не видеть, как меняется риторика, да и сам стиль, отношение к теме разговора у Родзевича после посещения им Москвы, или наоборот – произошедшие в нём перемены подвигли его на поездку и встречу с Алёй. Он вроде бы становится более открытым и откровенным, однако в его объяснениях прошлого и пережитого сквозит только личная вина перед Мариной.

В 1982 году Вероника Лосская решилась, наконец, поговорить с ним непосредственно и записала их беседу. Она также есть в её книге³³, в которой она не скрывает своей радости по поводу того, что «К.Б. годами отказывался что бы то ни было говорить, ссылаясь только на стихи Марины Цветаевой, а тут у нас состоялась долгая беседа, в которой он участвовал с явным удовольствием»³⁴. Любопытно, что его признание в том, что он «не мог ничего для неё устроить», «был слаб» – закрывают подлинную причину их «расхождения», как он потом назвал их «разрыв», которого по-настоящему никогда и не было. Да и его «оппортунизм» – женитьба на женщине, которая его полюбила, а он был к ней совершенно безразличен, были Марине на руку, несмотря на то, что сама она страдала, изнемогала от вины перед Серёжей: по-другому и быть не могло.

По-видимому, тогда же он и начал её рисовать. Марина не могла к нему не явиться.

Остаётся ещё один непрояснённый вопрос – сын Мур. Вероника Лосская собрала о нём сведения, которые делятся ровно на две части: он был сыном К.Б. или нет. И этот чрезвычайно деликатный вопрос вызывает во мне противоречивые чувства. С одной стороны, не хочется его даже касаться – не только что поднимать. Как Марина сказала – пусть так и будет: сын Эфрона. Она мать, ей репать. С другой стороны – любой запрет закрывает нам не только тему, но и сам объект. Тогда становится заметным, что и Марина умела, подобно Родзевичу, скрывать правду. А вместе с этим возникает недоумение: если понятно, почему Родзевич себя прятал, то зачем это было нужно Марине? Ответ напрашивается сам собой: она знала, что никогда не уйдёт от своего Серёжи, но остаться с ним вместе с Муром ей было не так тяжело, более того, облегчало уход от Родзевича (а никак не его «оппортунизм» тому виной). Так я рассуждаю, но никаких окончательных выводов не делаю.

Есть фотография 1930 г. Эфрон рядом с Родзевичем, и его руки лежат на плечах стоящего перед ним Мура. Разумеется, это – ребёнок любимой женщины, но чувствуется в его руках ещё что-то... Ведь отец ребёнка официально – Сергей, утверждала Марина, и мнения своего никогда не меняла (по крайней мере на людях). Родзевич не без возражений, но в итоге с этим согласился. В любом случае руки красноречивее лица.

Приведу свидетельства тех, кто близко с Мариной общался.

Наблюдения Веры Гучковой-Трейл, ближайшего друга Марины, которая очень ей помогала – и психологически, и конкретно, когда та родила сына, категоричны без обиняков: «Мур, конечно, не был сыном Серёжи. Знал ли он это – не знаю, но он об этом не говорил. К.Б. считает, что Мур от него. Он был очень близок с Серёжей и потом остался его другом. Он, конечно, испытывал утрусения совести из-за Марины. Тогда все считали, что Мур его сын. Он всюду говорил про Марину: „C'était la grand amour de ma vie (Это была женщина моей жизни)“³⁴. Когда я приехала, я сказала ему: „Что за чушь, зачем ты бросил Марину, чтобы жениться на скучной Муне Булгаковой?“ А он мне объяснил: „Во-первых, она меня выдумала. Я не был такой. Год мы были вместе и мне было тяжело быть ненастоящим. А во-вторых, мне было стыдно перед Серёжей“³⁵.

Наталья Резникова: «В период рождения Мура мама с Цветаевой была очень близка. Тогда говорили, что это сын К.Б. и даже, что он на него похож. А мама была убеждена, что это сын Сергея Яковлевича»³⁶.

Петр Сувчинский: «История с К.Б. была в Праге. А когда они все появились в Париже, всем известно было абсолютно и несомненно, что Мур был сыном К.Б.»³⁷.

Любопытно воспоминание, оставленное Александрой Захаровной Туржанской: «Сергей Яковлевич к нам подошёл и сказал: „Правда, он на меня похож?“ Потом был разговор с Мариной. Она при мне сказала: „Говорят, что это сын К.Б. Но этого не может быть. Я по датам рассчитала, что это неверно“...»

По свидетельству Станислава Айдиняна, литературного секретаря и редактора Анастасии Ивановны Цветаевой, она навестила сестру Марину в 1927 году в Париже, и тогда в маленьком Муре разглядела именно цветаевские черты, схожесть с их отцом, Иваном Владимировичем Цветаевым. Но ведь и эта часть, цветаевская, в Георгии-Муре была!.. Анастасия Ивановна видела и приходившего в дом Родзевича, но говорила, что Марина в ту пору разговаривала с ним уже холодно, «через плечо»...

И, наконец, К.Б.: «К рождению Мура я отнёсся плохо. Я не хотел брать на себя никакой ответственности. Да и было сильное желание не вмешиваться. (...) Эта неопределённость меня устраивала. Моё поведение я, конечно, порицаю. (...) Я тогда принял наиболее лёгкое решение: Мур – сын Сергея Яковлевича.

Я думаю, что со стороны Марины оставлять эту неясность было ошибкой. Период жизни с Мариной для меня очень дорог. Но когда родился Мур, мы с Мариной уже не были связаны, наши пути разошлись»³⁸.

Вероника Лосская приводит и мнения современников Марины по поводу её материнства. Отец Александр Туринцев: «У Марины по-настоящему не было острого материнского чувства ни к сыну, ни к дочери. Она искала и хотела создать *ту душу*, которая её поймет и разделит её чувства до конца»³⁹. Остановимся на этом наблюдении отца Александра. Как религиозный человек он уловил в ней поиски *другой души*, которой она могла бы доверить себя, что ещё раз показывает её природную нестандартность и понимание себя.

Что касается детей Марины и прежде всего Мура, то все обязательно отмечали его ненормальную полноту (просто Марина его перекармливала), странный взгляд, умение умно говорить и взрослое отношение ко всему. Он всегда кстати вставлял в разговор иностранные слова, знал их и понимал. Был развит не по годам.

Мур и его судьба – отдельная тема, не коснуться её просто невозможно не только потому, что он был самым любимым у Марины, её радостью и утешением. «Мальчишек нужно баловать, – им, может быть, на войну придётся»⁴⁰. – Увы, в прозорливости ей не откажешь. На редкость умный и начитанный ребёнок оставил ценные Дневники⁴¹. Казалось, что они близки и отношения между ними доверительные. Однако в Советском Союзе это единство стало трещать.

Не менее важны и воспоминания о Муре его современников, запечатлевших, кстати, некий разлом во взаимоотношениях матери и сына, оказавшихся в трагической ситуации – тотального одиночества, в полной неясности стране: в сентябре 1937 г. арестована сестра Анастасия, она с 1938 г находилась в лагерях, где отбывала срок; Ариадна арестована в августе 1939 г., и арестована в присутствии Марины; затем, в октябре 1939 был арестован и Сергей Яковлевич. Начинается война, а с ней – эвакуация, поиски жилья, работы, смысла жизни...

Приведу отрывки из публикации Дмитрия Сеземана – о том времени, Марине и Муре, об их бытии в Советской стране. Я сознательно останавливаюсь на этих воспоминаниях: Дмитрий Сеземан был едва ли не единственным другом Мура. Ниже – записанная с ним беседа.

«Из всех агентов НКВД в эмиграции самым известным, пожалуй, был Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой...

– ...Сергея Яковлевича я очень любил. Он был удивительно приятный человек, благожелательный, совсем не агрессивный, не воинственный, всегда готовый помочь. И когда потом я узнал, что он убил Рейсса (*резидента советской разведки в Европе, который после московских процессов в 1936-1937 гг. порвал с Советами и 4 сентября 1937 года был убит в окрестностях Лозанны – Ю.К.*), то решил: „Это кто-то другой! Не может быть, чтобы тот Сергей Яковлевич, тот Серёжа Эфрон, которого я знал, которого моя мама очень любила, с которым мы вместе жили в Болшеве на даче, мог по приказу кого-то убить!“ И тем не менее это могло быть».

На вопрос о Марине Дмитрий Сеземан заметил:

«...Она была очень неприятным человеком в общезитии, труднопереносимым, но это другое дело. Такая деятельность в чью бы то ни было пользу была слишком чужда её глубокому существу.

– Какие же были отношения у Цветаевой с Эфроном?

– Очень странные. Они были на „вы“ – так же, как их сын Мур, мой большой друг, им говорил тоже „вы“... Цветаева жила совершенно своей жизнью, она была совсем не монахиней, у неё были всякие романы, причём некоторые – придуманные. Когда вы читаете её переписку с Рильке, с Пастернаком, то такое впечатление, что это был пламенный роман, а это роман, который мог развиваться только на расстоянии. Когда Марина Ивановна оказалась близко к Пастернаку, то ничего не произошло...».

Запечатлённые Дмитрием Сеземаном страницы совместной жизни его семьи с Мариной и Муром на даче в Болшево драгоценны простой правдой и общей атмосферой, чуждой абсолютно всем здесь собравшимся: все они ожидали увидеть совсем другую страну.

«– Дача была дана нам и Сергею Яковлевичу с дочерью Алей. Марина Ивановна с Муром приехала двумя годами позже.

– Разве Сергей Эфрон за два года не понял, куда он попал? Почему он не остановил Марину Ивановну?

– Он, конечно, всё понял, хотя и не предполагал, что с ним будет, но ему казалось, что такова судьба!

– Как складывалась ваша совместная жизнь на даче?

– ...Всем известно, что Марина Цветаева – великий поэт, и об этом люди более компетентные, чем я, уже все прекрасно сказали. Но в общезитии Марина Ивановна была человеком совершенно не-вы-но-си-мым. Она не любила человечество, она не любила человекoв. (...) Она меня терпела только потому, что мы с Муром были большие друзья и Мур не позволил бы ей меня с презрением отпихивать. (...)

– Вы заметили, что она читала, как на плахе...

– Это так и есть. Она нас в Болшеве часто приглашала послушать её стихи. И образ Цветаевой, читающей стихи, на меня действовал необыкновенно. Вся она была серой – волосы серые, одежда серая, запястья в сером серебре, дым папиросный серый. Она читала с такой напряжённостью, как будто за каждый стих отвечала жизнью. Мне посчастливилось встречать и слушать Ахматову и Пастернака,

но никто не производил такого впечатления. Но Цветаева читала, словно жизнью клялась за каждый стих, как будто ничего после этого уже не будет. КАК НА ПЛАХЕ!».

Интересно, что к Муру Дмитрий Сеземан стал относиться с такой теплотой после того, как ему передали написанное сразу после самоубийства матери письмо Мура, которое к нему пришло спустя 50 лет!

«Он мне рассказывает в нём о самоубийстве Марины Ивановны... Мура я очень любил. Он был моложе меня на 4 года, но, несмотря на это, гораздо умнее. Его ум был острее, глаз вернее. У нас были удивительные отношения. Я всегда с большим интересом наблюдал, как он на своих родителей смотрел таким критическим и слегка насмешливым взглядом. Он пишет: „Митька – мой единственный друг“. Если бы меня раньше спросили, я бы сказал, что Мур был действительно моим лучшим другом. Но я не думал, что он мог о ком-то сказать – „это мой лучший друг“. Это было не в его характере. Оказывается, мог. И мне стало стыдно, что я о нём мог плохо думать. Нам с ним было действительно хорошо. Мы с Муром рассказывали друг другу абсолютно все. Мур был чрезвычайно жесток в своих суждениях... Когда уже всех посадили – его отца, сестру, моих родителей, мы встречались с Муром весь 40-й год. Мы встречались на Пушкинской, и я читал вполголоса ему стихи Поля Валери «Морское кладбище». Марина Ивановна не любила Валери, поэтому Мур не знал этого поэта. Благодаря этим стихам мы были как бы отделены от всего окружающего нас, в этом заключалась какая-то только ему и мне присущая свобода. Мы уже ни на что не надеялись, и казалось, что ничего худшего с нами случиться уже не могло. Оказалось – могло. Его убили, меня посадили, сослали на каторгу».

К чести автора надо заметить, что наблюдения и сделанные им наброски, если можно так сказать, к портрету Мура, невероятно важны прежде всего потому, что он, как известно, мало с кем был откровенен. Более того, за судьбой этих мальчиков невольно высвечивается царящая тогда в стране обстановка и общая растерянность от непонимания происходящего. Увы, но это неумение распознавать суть ситуации, в которой оказываешься, сохранилось и поныне. Может возникнуть недоуменный вопрос: а зачем так много внимания уделять Муру, когда речь идёт о Марине и Родзевиче? Я в них смысл вижу.

«– С вашей точки зрения, Мур все доверял дневникам или какие-то вещи не решался записывать?»

– Я не читал его дневники, а только книгу „Письма Мура“. Я там впервые увидел, как он обо мне часто пишет. Он был человеком, у которого критический настрой ума заглушил всё остальное. Если бы у него было желание или писательская способность, он бы мог стать замечательным, беспощадным портретистом человеческого общества, в котором он жил.

– Мур хотел одно время быть карикатуристом...

– Это он замечательно делал. Причём, никто не оставался вне его внимания, даже мать, отец, сестра – все они его в какой-то мере даже боялись. Он был, если угодно (видит Бог, как я его любил), каким-то инопланетянином. Поэтому такой пустяк, как советская власть, его совершенно не тревожил».

Есть некоторые детали в биографии Марины, которые Д.Сеземан точно запечатлел:

«– Когда вы видели Марину Ивановну и Мура в последний раз?»

– ...Последний раз я его видел в Ташкенте на железнодорожном вокзале, когда ехал в Ашхабад. Поезд долго стоял, и мы успели обо всём поговорить. ...Он мне рассказывал о всех его невзгодах после смерти матери, о том, с каким трудом он возвращался в Москву из Елабуги, как Марина Ивановна после ареста Серёжи пошла к Эрэнбургу и сказала: „Что же вы меня в Париже уговаривали вернуться? Вы мне говорили – у вас там ваш читатель, ваша литературная жизнь! Что вы здесь в эмиграции прозябаете? Кто вас читает? – И что теперь?“ И Эрэнбург ей ответил: „Марина, вы не понимаете, что есть высшие интересы, которые над нами, и мы должны смириться и продолжать писать и т.д.“. Тогда она сказала: „Вы негодай!“ и ушла, хлопнув дверь.

– Выходит, именно Эрэнбург сыграл роковую роль в её судьбе?

– Роковую! И очень некрасивую».

Я специально не сократила текст рамками только Мура, чтобы подчеркнуть тут ещё раз и другое: мало кто по-настоящему любил и ценил Марину. И конечно, зачем Эрэнбург так уговаривал Марину вернуться, объяснить не берусь, разве что по заданию. Но мне не кажется, что он сыграл «роковую роль» – она всё равно поехала бы. В этом она видела свой долг.

«Арестован мой лучший, закадычный друг, единственный человек, с которым мне было хорошо».

Это последняя запись в Дневнике Мура о Дмитриии Сеземане⁴²...

Никто из них не заговаривает о Родзевиче. Интересно, а Мур его помнил? Думаю, что да, и не просто помнил, а наверняка с ним общался, хотя, по-видимому, особого интереса к нему не питал. Показательна в этом смысле их последняя встреча, столь же блестяще разыгранная, как и все другие сцены у Родзевича. Марк Слоним так описывает *неожиданную* ситуацию: «С героем „Поэмы Горы“ и „Поэмы Конца“ последняя встреча вышла случайной: Родзевич догнал их с Муром на какой-то парижской улице и, подхватив их под руки, пошёл посередине. На следующий день они уезжали⁴³. Трудно не разглядеть здесь, разумеется, спланированного, а вовсе не случайного прощания накануне большого расставания, которое обернулось вечностью».

По словам Романа Гуля (Берлин 1922 г.), Марина «никак не была литератором... Она была каким-то Божьим ребёнком в мире людей. И этот мир её своими углами резал и ранил...» – точное наблюдение⁴⁴. И далее прозорливо замечает: «Цветаева не выжила в Берлине, не выжила в Праге – уехала в Париж. Она – настоящий поэт – в вечной бедности, в тревоге и без друзей. Она, наверное, нигде не выживет...»⁴⁵.

Отношения Марины и Родзевича в их пражский период прослеживает Ирма Кудрова в книге «Путь комет. После России», с привлечением поэзии и писем тех лет⁴⁶. И везде ставит даты.

«Третьего сентября вместе с другими русскими детьми Аля отправится в Моравску Тшебову – начинается учебный год в русской гимназии. Эфрон уедет вместе с дочерью. Седьмого сентября следом за ними отправится и Цветаева – помочь Але войти в непривычную для неё гимназическую жизнь». Марина, в сущности, остаётся предоставленная самой себе, и эта свобода неожиданно дарит ей счастье, в предчувствии которого она пока просто находится, но его фиксируют её стихи, которые приводит Кудрова:

*Как бы дым твоих ни горек
Труб, глотать его – всё нега!
Оттого, что ночью – город –
Отпрокинутое небо.*

С сентября 1923-го по май 1924-го Кудрова обозначает как «второй период чешской жизни Цветаевой – её девять месяцев в Праге. Любовь, ворвавшаяся бурей „во вполне земном её варианте“». Пожалуй, именно этот вариант был исполненной мечтой Марины – союз действительно был земным. И как всё по-настоящему земное, не мог не стать небесным. Наверное, оба это почувствовали почти одновременно. И Марина не может этого не зафиксировать письмом, написанным утром после свидания.

«Мой дорогой друг, друг нежданный, нежеланный и негаданный, милый чужой человек, ставший мне навеки родным, вчера, под луной, идя домой, я думала (тропинка летела под ногами, луна летела за плечом) – Слава Богу, слава мудрым богам, что я этого прелестного, опасного, чужого мальчика – не люблю! Если бы я его любила – я бы не оторвалась...»⁴⁷.

Есть огромное искушение на основе писем Марины составить её философию – она в них отчётливо выражена, более того, в таком контексте адресат не имеет никакого значения. Переходя от одного своего корреспондента к другому, она не начинала мыслить заново: она свои размышления продолжает и развивает. Живший в ней философ существует в том же поэтическом русле, внутри которого тоже говорит Душа: «Моя душа – мгновений след» – стихотворение «Молитва» написано в Тарусе, когда ей было семнадцать лет! Её философия – это философия Души, и судьба Марины Цветаевой всем нам – сильнейший пример необычности её присутствия на земле: не человек, а Душа в опоре на Дух. Для нас Душа – что-то непонятное в нас самих, неуловимое, с годами мы научаемся её различать – по тоске, внезапно охватывавшей, неясным помыслам и желаниям, интуиции, наконец, постепенно приходит ощущение её опоры, неожиданных подсказок, и при этом не расстаемся с собственной самоуверенностью. Мы давно привыкли: Душа возникает со смертью тела. Она – воплощение прожитого. А что значит – родиться Душой? Заранее знать свой жизненный путь, но стараться его обогнать?

Душа Марины абсолютно самостоятельна и независима. Лишь тело – её отголосок, может, поэтому она никогда не болела, оно было у неё, как у инопланетянки: крепкое, сильное, здоровое. Вот ещё почему оно нуждалось в соприкосновениях – чтобы чувствовать земную жизнь, которая её, однако, не баловала...

С первых же стихотворений в ней начинает говорить Душа, это она выбирает себе попутчика и средство общения. А потому «понятна во всей её глубине и трагизме реплика Марины Цветаевой на уничтожительную рецензию по поводу сборника её стихов советского критика Корнелия Зелинского, охарактеризовавшего поэзию Цветаевой как формализм. Цветаева отвечает на эту рецензию очень коротко: „Человек, смогший аттестовать такие стихи как формализм – просто бессовестный. Это я говорю – из будущего. М.Ц.“»⁴⁸. Её язык – поэтический язык общения Души с миром, Вселенной, о чём бы ни писала и что бы ни создавала: стихи, поэмы, прозу, письма, Дневник... Всё пронизано поэтическим, образным, метафорическим языком и, соответственно, видением. Прежде всего мысль и поэтические образы, среди которых метафоре принадлежит едва ли не ведущая роль. «В метафоре раскрывается *метафизическое измерение языка*. В метафоре заключён дух Божий, который веет, где хочет!»⁴⁹, – утверждает русский философ Руслан Лошаков. И уточняет, ссылаясь на немецкого учёного Гумбольдта: «Язык – это *энергия*, то есть чистая процессуальность, чистое становление»⁵⁰. При всей многогранности творчества Цветаевой, «главное в нём – „это сотрудничество с высшими силами“», – пишет Наталья Шлемова⁵¹, обратившись к анализу трактовки сверхъестественного у Марины Цветаевой в сугубо научном ключе, но и «в парадигме космической, этико-эстетической философии Живой Этики, эстетический дискурс которой представляет собой по сути метаэстетику нового цикла и необходимые основания для исследования эстетики трансцендентного». Можно предположить, что именно в русле этой эстетики и находится «поэтическая эстетика М.И. Цветаевой»⁵².

Приведённые здесь мнения Р. Лошакова и Н. Шлемовой для меня чрезвычайно важны прежде всего своей логикой доказательств: без обращения к высшим сферам Цветаева – не только как поэт, но и как личность – не будет нам доступна.

Уносясь в высь, Марина всеми силами стремилась удержаться на Земле, но Земля и люди её редко воспринимали адекватно. Ещё в переписке с Бахрахом (на которого ссылается Кудрова) из Моравской Тшебовы Марина упредительно высказывает то, что можно назвать формулой исполненности – в плане действия, и вместе с тем выводом – в плане мысли: «События жизни, которых не предугадаешь»⁵³, ибо «наполненное энергией слово – событийно. Поэзия есть *событие языка*».⁵⁴

Событие для неё – не просто случай или стечение обстоятельств – оно предопределено свыше. Поразительно, но в своём эпистолярном общении с Родзевичем, в частности в письме от 8 сентября, Марина продолжает анализировать случившееся, а не переживать чувства: «Я никогда не смогу сказать Вам, как Вы за эти несколько дней стали мне дороги»⁵⁵ (в своём стремлении выявить некую философскую систему Цветаевой на основе именно писем я следую за хронологией её жизни, выстроенной Кудровой, скрупулёзно, по дням воссоздающей её пражский период любви).

Своим чувствам она посвящает стихи, каждый из которых встраивается в определённую линию движения. Особенно показательными в этом плане станут её дальнейшие стихи: «Автобус», но ещё больше – «Попытка комнатъ», даже если учесть, что «Попытка комнатъ» возникла в ответ на сон, о котором ей поведал Пастернак. Выскажу крамольную мысль: принято считать, что «Попытка комнатъ» – отклик на письмо Пастернака, что верно – в ней много образов, даже цитат, напрямую связанных с этим его письмом, но есть и реалии, которые перекликаются с Родзевичем, встречами с ним – ведь они были конкретно до 1926 года, когда стихотворение было написано. И легко встанут в один ряд с предыдущими. В её стихах всегда важна каждая строка. Особенно, когда она напрямую обращена к Родзевичу.

*Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу –
Сердцу перебой –
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой...*

*Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут – от плеч!..*

*Что победа твоя – поражение сонмов,
Знаешь, юный Давид?*

«Овраг 2»

«Овраг», – отмечает Ирма Кудрова, – она отсылает из Моравской Тшебовы Родзевичу – с просьбой: «Прочтите эти стихи всем существом, как никогда стихов не читали... Ведь это точнейшее отражение часа, которого Вы участник – ежили не творец!»⁵⁶. И добавляет: «Думаю о Вас неустанно, – после чего вполне конкретно: – Вернусь в понедельник, 17-го, с поездом, выходящим в 10 ч. и приходящим в Прагу в 4 ч. 40 мин. (Тот же вокзал.) Никому не пишу о своём приезде. Если можете – встретьте меня»⁵⁷.

Ещё одно подтверждение события!

Чем же эта любовь её так пленила? Что в нём такого, чего не переживала ранее? Всё! Она сама!

«Вы сделали надо мной чудо, я в первый раз ощутила единство неба и земли. О, землю я и до Вас любила: деревья! Всё любила, всё любить умела, кроме другого, живого. Другой мне всегда мешал (...) Отсюда сознание: не-женщина, дух. Не жить – умереть»⁵⁸.

Не знаю, насколько можно судить о Родзевиче по его высказываниям – ведь и в них он сознательно уходил от того, чтобы не думать, не размышлять, а просто радоваться жизни, внезапно подарившей им счастье. Ирма Кудрова считает, что «он полюбил в ней живую, земную женщину. И при этом отказывался видеть её такой, какой она сама себя привыкла видеть: „голой душой“, истинно существующей лишь в парении, лишь оттолкнувшись от плоти земли. Жизнелюбивый и энергичный, он назвал слабостью то, что она считала своей силой; восхитившись, он не подчинился ей. Не защищало ли его непонимание стихов, так сильно её огорчавшее?.. Он просто оставался собой»⁵⁹.

У меня иное ощущение: он не то, чтобы не понимал её стихов, хотя внешне так оно и выглядело, раз отнекивался, но Марина его не одухотворяла, а благодарила, он открыл ей сферу жизни, которая была ей недоступна. «Я сказала Вам: есть – Душа. Вы сказали мне: есть – Жизнь». И в ответ услышала: «Вы всё можете!»⁶⁰. Это ли не признание в ней всего, и поэта в первую очередь? Он просто не считал себя вправе судить о таких стихах, понимая, что это очень высокая поэзия, если под словом «высокая» подразумевать Вселенную.

«С Родзевичем, – уточняет Кудрова, – она впервые ощущает высоту цельной земной любви, её горные высоты. Он уверенно противостоял её пониманию собственных пределов»⁶¹. Скорее – не противостоял,

а расширял её личные представления о человеческом существовании, ибо всё в её жизни измерялось Душой, которая не знала, что такое счастье. Сейчас она его испытала, в чём-то себе на горе, поскольку ни с чем подобным её судьба больше не встретится. Да и это событие окажется в её жизни всего лишь эпизодом. Но всё то, что с ней происходит, она фиксирует: главным образом в письмах, продолжая развивать свою философию Души, и тут надо отметить главное – свой опыт она перевоплощала в систему, но рассматривала всё это исключительно как явление личное, индивидуальное, такое только у неё и только с ней. Не случайно она будет просить Родзевича «уничтожить письма, не хранить их. Он её не послушался – сохранил всё»⁶². Ещё одно доказательство не просто его любви – подлинной, глубокой, неповторимой, но и понимания её сути, благородства натуры, а ценил он в ней абсолютно всё: и её женскую сущность, и её умные и наблюдательные письма, и её столь ему непонятные стихи: полагаю, ему было неловко высказываться о её таланте, да ещё громогласно, он, в который раз, предпочитал изображать недоросля. Точно так же он не мог не догадываться, что творилось в её душе, потому что и сам не был свободен от угрызений совести перед Сергеем, своим другом.

Кудрова обращает внимание на то, как часто письма Марины, написанные разным адресатам, пронизывает «пронзительно-женская просьба, высказываемая с робкой и страстной надеждой: „Будьте моим оплотом!..“»⁶³. Эти слова она пишет даже двадцатилетнему Бахраху, потом Родзевичу, «так напишет Пастернаку, так – летом 1926 года – Рильке...». Кудрова считает, что «неприспособленность Марины к эмпирическому миру»⁶⁴ заставляла её искать защиту. Однако и слабость её, и поиск поддержки – всё это просьбы сильного человека! Примечательно, что не к каждому она обратится с подобной жалобой, если не мольбой, а только к личности выдающейся, которой она может довериться, в виде благодарности за то, что открывают в ней человека.

Марина отдавала себе отчёт в том, насколько запутана её ситуация. И не просто запутана, а безнадёжна. И трагизм, свойственный её мироощущению, только усиливался.

*Древняя тщета течёт по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!..*

*Вон хочу! (В час тупящихся везд
Разве выступаем из одежды?)*

*...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..*

Стихотворение написано 7 октября 1923 г., а неделю спустя – 14 октября («Побег») настроение меняется на прямо противоположное.

*...Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду*

В Бессмертье...

«Побег»⁶⁵

Таким было её состояние, которое запечатлело написанные ею в тот период абсолютно разные по тону и настроению письма, стихи. И подспудно сверлит мысль о разлуке: она необходима. Собственно, этот страх начал преследовать с самого начала, ведь предчувствие строится на чувстве долга, а его – как побороть?

Всё, что мучает, изводит, берedit, она обязана изложить, сказать об этом – любому. Не адресат важен, а возможность поделиться. Не случайно Ирма Кудрова, рассматривая эти месяцы – сентябрь-октябрь, постоянно даёт их как бы параллельно: Бахрах и Родзевич: не потому, что одного Родзевича Марине было мало (с Бахрахом чисто эпистолярные отношения), но она удивительным образом старалась не замутить свои чувства к Арлекину, а потому почти сразу – в одном из первых писем высказала Родзевичу свои сомнения:

«Ещё не поздно остановиться, дружок родной. Не дайте мне выкнуться и не выкайтесь сами. Переболит! Мне нужен врач души, а не друг...»⁶⁶.

В эти ещё такие чистые и ясные отношения она не вносит свои сомнения, житейские наблюдения, безжалостность к себе, опирающуюся на феноменальную прозорливость, такие мысли она направляет Бахраху, он – её друг: «...м.б. я действительно сделаюсь человеком, **довоплощусь** (выделено Е.Т.). Друг, друг, я ведь дух, душа, существо. Не женщина к Вам писала и не женщина к Вам пишет, то, что *над*, то, с чем и чем *умру*» (от 29 сентября 1923 г.)⁶⁷. Откровеннее сказать о себе невозможно. Так будем же верны ощущению Марины и примем её исповедальность как истину. Почему-то принято считать, что стихи, поэзия – это нечто придуманное, навоображённое, то, чего нет, но кажется, что есть. В поэзии Марины всё – правда. Скажу больше: она не одна такая, с той лишь разницей, что подобным ей – явившимся в мир с осознанием себя как воплощённой души, обычно ставят специфический диагноз: пизофреник. Между тем, в отличие от них (всё это предположения, но основанные на наблюдениях) она единственная сумела своё состояние осознать, охарактеризовать и даже воплотить в поэзии, это её спасало, её поэтическое чутье и редкая интуиция именно в отношении себя. Обычно у нас интуиция срabатывает в отношении других, реже в отношении себя. Она в этом уникальна. И это очень важно подчеркнуть, поскольку именно эту её уникальность почувствовал Родзевич и шёл ей во всем навстречу. Нам всем – урок любви.

И ещё одно, более общее объяснение: Небо не могло не знать о той катастрофе, которая надвигалась на Россию, и с 80-х годов XIX века направляло свою сверхъестественную силу гармонии на страну, прославившуюся впоследствии невероятным подъёмом в области промышленности, искусства, литературы... Это был период небывалого взлета культуры гениальности. Но и он был сломен, подавлен чёрными силами революционного беспутства. Разгуду зла невозможно сопротивляться. Оно и убило Марину Цветаеву. Её самоубийство было спровоцировано собственным молчанием – в подобном бесправии не только что стихи не писались. Творчеству места не было.

Довоплощусь... Неужели она полагала, что ей, родившейся Душой, – сложившейся и зрелой, надобно достигать какую-то ещё ступень развития?

Борения в ней её не отпускают. И виной всему – её Любовь: ясная, понятная, всё вокруг разрушающая – потому, что ничего подобного с ней не было, но ещё и в силу жесткой системы координат, которую применяла к себе. И правда, любовь к Родзевичу её захватила своей простотой, в которой не было ни лукавства, ни лицемерия. Подготовиться к разрыву она не смогла. И это порождало нервность, постоянную, преследующую: «пощадны только души...»⁶⁸, – словно рефрен, который твердит сама себе, не находя покоя. Неуверенность в будущем, вернее уверенность, что будущего не будет: «– О завтра моё! – тебя / выглядываю – как поезд / Выглядывает бомбист...»⁶⁹. По стихам проносится железнодорожный состав, который не выходит из её сознания: мечта уехать, всё бросить, решиться...

*Площадка. – И шталы. – и крайний куст
В руке. – отпускаю. – Поздно
Держаться. – Шпалы. – От столькох уст
Устала. – Гляжу на звезды.*

«Поезд жизни»

*Древняя тщета течёт по жилам,
Древняя мечта: уехать с мильям!*⁷⁰

Прослеживая жизнь Марины, с привлечением её стихов и писем, Ирма Кудрова, которая, мне думается, ближе всех подошла к сути драмы счастья, я бы даже сказала по-романному, выстраивает довольно убедительную логику её ухода от Родзевича, не скрывая, что сама видит: это было расставание в чём-то показное, для людей, чтобы они об этом знали. А в действительности, пока не покинула Париж, они продолжали общаться. По-видимому, не только в переносном, но и в прямом смысле. Не случайно же он «догнал» встретившихся ему Марину и Мура, о чем я уже вспоминала.

Любые воспоминания так или иначе субъективны. Объективны только предметы осязаемости. В итоге, они – единственное доказательство. Как портреты Марины, сделанные Родзевичем, – самый красноречивый знак её присутствия в нём.

«... я могу дать только душу...»⁷¹.

Литература:

¹ Марина Цветаева. Письма к Константину Родзевичу. – Ульяновск: Ульяновский Дом печати, 2001, с. 41. А также: Марина Цветаева. Письма. Собр. соч. – М.: Элис Лак, 1995, Т. 6, с. 659.

² Дмитрий Сеземан. «Чужак среди Чужих». См.: Юрий Коваленко. «ЦВЕТАЕВА ЧИТАЛА СТИХИ, КАК НА ПЛАХЕ». – Лицом к лицу, №44 (444). См. также: Марина Цветаева и Франция: Новое и неизданное: Сб. докладов международного симпозиума

- «Цветаява-2000» / Под ред. В. Лосской и Жюю де Пройар. – Париж, Русский путь, Институт славяноведения, 2002.
<http://russian-bazaar.com/ru/content/5963.htm>
- ³ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни: Воспоминания современников. – М.: ПРОЗАиК, 2011, с. 234.
- ⁴ Марина Цветаява. Письма к Константину Родзевичу, с. 44.
- ⁵ Н.А. Шлемова. Философия любви в «Поэме Горы» и «Поэме Конца» М. Цветаяевой. – См. Эстетика трансцендентного в творчестве Марины Цветаяевой. – М.: 2007. Приложения. С. 91-109. (Замечу, что статья написана в 1989 г. – ЕТ).
<http://psihdocs.ru/estetika-transcendentnogo-v-tvorchestve-marini-cvetaevoj.html>
- ⁶ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни, с. 95.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Марина Цветаява. Сочинения в двух томах. – М.: Худ. лит., 1980, с. 93.
- ⁹ Марина Цветаява. Собр. соч. В 7 т. Стихотворения, т. 1, кн. 1, с. 178.
- ¹⁰ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни, с. 94.
- ¹¹ Марина Цветаява в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. – М.: Аграф, 2002, с. 40.
- ¹² Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни (Неизданные воспоминания современников). – Нью-Йорк, Эрмитаж, 1989, с.87-88. Издание в России: Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни. Неизданные воспоминания современников. – М.: Культура и традиции, 1992.
- ¹³ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни, с. 114.
- ¹⁴ Там же. С. 115.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Н.А. Шлемова. Философия любви в «Поэме Горы» и «Поэме Конца» М. Цветаяевой, с. 91 – 109.
- ¹⁷ Семён Извеков. Константин Родзевич. Шпион Серебряного века на службе НКВД.
<https://vatnikstan.ru/archive/rodzevich-shpion/> 21.10.2020.
- ¹⁸ Марина Цветаява. Собр. соч. В 7 т. Стихотворения. Т. 1. Кн. 1, с. 202 (замечу, оно написано было в Коктебеле).
- ¹⁹ Семён Извеков. Константин Родзевич...
- ²⁰ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни. Воспоминания современников. – М.: ПРОЗАиК, 2011, с.114.
- ²¹ Там же... с. 109.
- ²² Марина Цветаява. Письма к Константину Родзевичу, с. 11.
- ²³ «Советское прошлое не забыть!». Михаил Козаков – об интеллигенции и понсах правды: См.: Аргументы и факты. – СПб, 03.02.2010. <https://spb.aif.ru/culture/event/132878>
- ²⁴ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни, с. 95.
- ²⁵ Марина Цветаява. Письма к Константину Родзевичу. – Ульяновск.: Ульяновский Дом печати, 2001. – 200 С.
- ²⁶ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни, с. 95.
- ²⁷ Ирма Кудрова. Путь комет. После России. <https://coollib.com/b/268646/read>
- ²⁸ Анастасия Цветаява. Воспоминания. Изд. 3, дополн. – М.: Советский писатель, 1984, с. 693.
- ²⁹ Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни, с. 102.
- ³⁰ Там же, с. 96.
- ³¹ Там же.
- ³² Вероника Лосская. Марина Цветаява в жизни, с. 96-97.
- ³³ Там же, с. 98-107.
- ³⁴ Там же, с. 98.
- ³⁵ Там же, с. 111-112.
- ³⁶ Там же, с. 112.
- ³⁷ Там же, с. 113.
- ³⁸ Там же, с. 113.
- ³⁹ Там же, с. 157.
- ⁴⁰ Цветаява М. Неизданное. Сводные тетради. – М.: Эллис Лак, 1997, с. 353.
- ⁴¹ Георгий Эфрон. Дневники. В двух томах. – М.: Вагриус, 2004. / Издание подготовили Е.Б. Коркина, В.К. Лосская.
- ⁴² Георгий Эфрон. Дневники. Т. 2, с. 320.
- ⁴³ Ирма Кудрова. Версты, дали. Марина Цветаява: 1922-1939. – М.: Сов. Россия, 1991, с.366.
- ⁴⁴ Ирма Кудрова. Путь комет. После России. <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kudrova-irma-viktorovna/putj-komet-posle-rossii>
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Марина Цветаява. Письма к Константину Родзевичу, с. 9.
- ⁴⁸ Из лекции профессора философии и феноменологии Свободного университета Руслана Лошакова, прочитанной им 10 ноября 2022 г.: «Метафизическое измерение языка и вопрос о его начале».
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Н.А. Шлемова. Философия любви в «Поэме Горы» и «Поэме Конца» М. Цветаяевой, с. 91-10 .
- ⁵² Н.А. Шлемова. Эстетика трансцендентного в творчестве Марины Цветаяевой. – М.: 2007. (Из авторской аннотации к работе).
- ⁵³ М. Цветаява. Из письма А.В. Бахраху от 9/10 сентября 1923 г. См. Цветаява М. Собр. соч. Т. 6, кн. 2: Письма, с. 278.
- ⁵⁴ Из лекции профессора философии и феноменологии Свободного университета Руслана Лошакова.
- ⁵⁵ Марина Цветаява. Письма к Константину Родзевичу, с. 20.
- ⁵⁶ Марина Цветаява. Письма к Константину Родзевичу, с. 27.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Марина Цветаява. Письма к Константину Родзевичу, с. 41, 43.
- ⁵⁹ Ирма Кудрова. Путь комет. <https://coollib.com/b/268646/read>
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. Стихотворения. Т. 2, с. 232-233.

⁶⁶ Это письмо было в другой тетради М.Ц. и не вошло в число писем, отправленных Родзевичем Але. В нем предполагают несколько черновигов. См.: Цветаева Марина Ивановна. Письма 1905-1923. 47-23. К. Б. Родзевичу. – *ЕТ*.

ВикиЧтение. <https://document.wikireading.ru/hcH6wg7qAT>

⁶⁷ Марина Цветаева. Собр. соч. Т.6, кн. 2, с. 288.

⁶⁸ «Мужчины и женщины беспощадны, пощадны только души», – из письма Марины Цветаевой А.В. Бахраху от 29 сент. 1923 г. – См. Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. Письма. Т. 6, кн. 2, с. 289.

⁶⁹ Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. Стихотворения. Т. 2, с. 232. «Побег».

⁷⁰ Там же, с.232-233.

⁷¹ «В октябре в дневниковом блокноте появится запись – о себе и Родзевиче, но звучит она уже как заготовка к будущей «Поэме Конца»: «Ты просишь дома, а я могу дать только душу...». – См.: Ирма Кудрова. Путь комет. <https://coollib.com/b/268646/read>.
